

пытаний, но это его не сломало, а наоборот: сохранил верность своим убеждениям в юности, пережил принудительный труд, сражался на фронте, был ранен, но не сломлен.

Такие люди, как мой прадедушка, – это герои, о которых важно помнить. Их подвиг напоминает нам о том, какой ценой была завоевана Победа, и о том, насколько важно сохранять память о тех, кто защищал мирное будущее для следующих поколений.

В настоящее время очень важно помнить о героическом прошлом тех людей, которые были готовы отдать жизнь за свою страну. Благодаря их над нами мирное небо, светит яркое солнце, каждый может прогуляться и увидеть красоты нашей страны. Поэтому надо чтить и помнить людей, которые не смогли насладиться этим.

Его жизнь является вдохновляющим примером силы духа, который должен передаваться из поколения в поколение. Ведь, как говорил русский философ Иван Ильин: “Память о подвигах наших предков – это залог нашего национального достоинства и силы.” Также писал знаменитый немецкий поэт Бертольд Брехт: «Несчастлива та страна, которая нуждается в героях. Но ещё несчастнее та, которая забывает их».

Сопротивление Минска в годы Великой Отечественной войны

Римарева Д., Лойко А.И.

22 июня 1941 года у минчан был большой праздник – торжественное открытие Комсомольского озера, построенного молодёжью города на общественных началах. Почти всё взрослое население с утра собралось у зеркальной глади искусственного водоёма, которого так не хватало растущей столице республики. Радость минчан была двойная: и оттого, что теперь будет где отдыхать, и оттого, что озеро сделано ими самими на социалистических началах,

коллективным трудом. И чем ярче был праздник, тем невероятнее прозвучала трагическая весть: «Война! Фашистская Германия напала на нашу страну!»

Людам не хотелось верить в случившееся. В душе каждого ещё теплилась надежда, что произошла ошибка, и она будет сейчас же исправлена. Над головой было по-летнему чистое голубое небо, празднично сияло солнце, воздух был кристально прозрачным. Пригороды Минска утопали в зелени. И в самом деле трудно было поверить, что всё это уже принадлежит другому времени, которое потом будет называться довоенным, а сейчас где-то не так уж далеко гремят орудия, рвутся фугасные бомбы, трещат пулемёты и автоматы и тысячи, десятки тысяч людей, истекая кровью, бьются за родную землю.

Хотя войну ждали, к ней готовились, но начало её именно в этот день и час казалось неожиданным, невероятным. Трудно было свыкнуться с мыслью, что теперь нужно жить, работать, бороться совсем по-иному, чем прежде. И вовсе не верилось, что враг может прийти сюда, в Минск, что его пустят сюда наши войска. Люди надеялись: уж если у Гитлера дело дошло до нападения на Страну Советов, то тут ему и крышка.

Уже в первый день войны напряжённо работали военкоматы города, призывая в армию запас первой очереди. Вторые сутки шли ожесточённые бои, а в Минске никто толком не знал, что же происходит там, на западе республики, где линия фронта. Над городом уже второй раз появились эскадрильи фашистских бомбардировщиков.

Отбомбилась одна эскадрилья, за ней тотчас прилетала вторая, третья. По всему городу грохотали взрывы, целые кварталы превращались в груды руин. Больницы были переполнены ранеными. Небо почернело от дыма — лишь изредка появлялся на нём красный диск солнца и тут же исчезал.

В ночь с 24 на 25 июня из Минска эвакуировался аппарат республиканских партийных и советских органов. Линия фронта стремительно приближалась к белорусской столице. Вокруг неё уже рыскали вражеские десантники, переодетые в красноармейскую и милицейскую форму. Они сеяли панику, нападали на оставших от своих частей военнослужащих и мирных жителей.

Учитывая, что дорога через Минск ведёт на Смоленск и Москву, что это наиболее прямой и близкий путь к сердцу Советского Союза, враг наседал огромными силами. Минское направление у фашистов было главным. И они не жалели ни живой силы, ни техники, чтобы быстрее сломить сопротивление советских войск, оборонявших Минск. Но советские воины понимали, что за их плечами – Москва, и боролись с врагом до последнего дыхания. И всё же силы защитников Минска иссякали, а подкреплений они уже не получали. Бои продолжались и на улицах Минска. Особенно упорно сражались одновременно против самолётов и танков наши зенитчики. В 1974 году возле Дома правительства были найдены их останки, засвидетельствовавшие, что стояли здесь советские воины насмерть, до последнего вздоха разили врага.

Когда началась массированная бомбёжка Минска, и стало очевидно, что враг приближается к городу, население в абсолютном большинстве двинулись на восток. Над их головами непрерывно кружили фашистские самолёты, поливая пулёмётным огнём безоружных стариков, женщин, детей.

Но далеко ли уйдёшь пешком, то и дело зарываясь носом в кюветы, когда с отвратительным завыванием над головой проносятся «мессершмиты» и «хейнкели»? К тому же фашистские десантники перерезали пути отхода на восток и силой оружия повернули беженцев назад в город. Эту горькую участь пережило большинство из тех, кто потом включился в активную подпольную борьбу с врагом в Минске.

Из Минска не смогли эвакуироваться на восток сотни коммунистов и комсомольцев, в том числе и много старых большевиков, приобретших опыт подпольной работы и вооружённой борьбы ещё в годы гражданской войны. Да и всё население за годы Советской власти прошло такое воспитание в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, что оно политически и морально готово было непримиримо сражаться с фашизмом в условиях жестокой оккупации города. Старые коммунисты, участники гражданской войны стали организующей силой, костяком, вокруг которого с первых дней оккупации начало формироваться Минское коммунистическое подполье.

Сегодня мы знаем их имена: Иван Кабушкин, Владимир Омелянюк, Захар Гало, Виктория Рубец, Фёдор Живалев, Саша Макаренко, Борис Бывалый, Дмитрий Короткевич, Георгий Фалевич, Ядя Дубицкая, Володя Щербацевич, Иван Козлов, Варвара Матюшко, Александр Каминский, Елена Мазаник, Мария Осипова, Надежда Троян, Исая Казинца, Василия Жудро, Евгения Клумова, Ивана Матусевича, Николая Кедышко. Всех перечислить невозможно.

Сегодня эти имена знакомы и дороги каждому минчанину, каждому белорусу. Речь идёт о героях Минского подполья в годы Великой Отечественной войны. В задачу подполья входило не только сбор информации о количестве и видах вооружений фашистов, но также и уничтожение живой силы противника, причём важно было, как говорит народная пословица, «не стрелять из пушки по воробьям», а бить по верхушке нацистов, по главным военным преступникам. Это имело большое моральное, политическое и практическое значение. Для успеха в борьбе с фашизмом нужно было выводить из строя наиболее влиятельные кадры фашистской военной и административной машины.

Вызванная таким образом замена крупных руководителей неизбежно вынуждает противника перемещать кадры, на какое-то время снижать уровень боевой деятельности. Уничтожение фашистской руководящей верхушки имело ещё и большое психологическое значение. Это, разумеется, не значило, что партизаны и подпольщики отказывались нажимать на спусковой крючок, когда на мушку попадал простой офицер. Но они предпочитали охотиться на «крупную дичь». А сосредоточение фашистской верхушки в таком большом городе, как Минск, – дело вполне естественное. Одной из самых рискованных диверсионных операций является организация и осуществление уничтожения гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе в 1943 году. Не сразу удавалось достичь цели. Было предпринято несколько попыток

Две девушки из подпольной группы – Капитолина Гурьева и Ульяна Козлова работали в столовой СД, которая находилась в бывшем здании историко-филологического факультета Белорусского государственного университета. Ожидалось, что 6 сентября 1943 года на банкет туда должен был прибыть

Вильгельм Кубе. К этому времени партизаны и подпольщики приурочили произвести взрыв в столовой. Мины из отряда доставили прямо во двор столовой.

Это была дерзкая операция, потому что машину, на которой везли взрывчатку, могли в любой момент остановить и обыскать. Но, к счастью, всё обошлось благополучно: и мину, и тол Капитолина Гурьева и Ульяна Козлова забрали у партизан и в вёдрах, прикрыв тряпками, занесли в столовую. Сначала спрятали взрывчатку в кладовой с дровами, а когда выдался удобный момент, забрали и положили под кадку с пальмой, стоявшую посреди столовой на пустой бочке. За три часа до взрыва приехал на машине представитель отряда, чтобы увезти девушек из города.

Вскоре в столовой прогремел взрыв. Но, к сожалению, Кубе в столовой не появился. Однако результат взрыва был ошеломляющий: было уничтожено 30 немецких офицеров и 50 оказались тяжелораненых.

К сентябрю 1943 года накал ненависти белорусского народа к оккупантам достиг небывалой силы. Все подпольные группы и партизанские бригады, действовавшие вокруг Минска, считали самым лютым и самым коварным врагом белорусского народа наместника Гитлера в Белоруссии, генерального комиссара, гауляйтера Вильгельма Кубэ. Среди фашистских воротил он был одним из наиболее хитрых, злобных и опасных, пользовался личным доверием и симпатиями «фюрера». Кубэ приказал уничтожать всякого белоруса, склонного к самостоятельному мышлению, не говоря уже о самостоятельном действии. Он организовал массовое истребление белорусского населения, вывоз в Германию материальных и культурных ценностей из Минска и других оккупированных городов республики.

С его ведома уничтожались вместе с людьми целые деревни, умерщвлялись дети в детских домах. Только после войны удалось установить, что десятки групп советских патриотов, независимо друг от друга, не зная даже о существовании друг друга, охотились на Кубэ. Они разведывали, где он живёт, каков режим его дня, куда и когда он выезжает, по каким маршрутам, в каких машинах и т.д. Все искали подступы к ненавистному гауляйтеру. То и дело

охранники Кубэ находили мины в его машинах, на пути следования. Однажды была совершена неудачная попытка раздавить лимузин Кубэ грузовиком.

Гитлеровцы решили отметить годовщину захвата Минска торжественным заседанием в театре. Там должен был присутствовать и Кубэ. Подпольщики заминировали театр. Чувствуя, что на него готовится покушение, Кубэ на заседание не пришёл. На него была устроена засада по дороге в Логойск, когда он собирался ехать в этом направлении. Однако и в этот раз обер-палач изменил маршрути ускользнул от народной кары. Он знал, что за ним охотятся советские патриоты, и хитрил, как лиса, меняя на ходу маршруты, садясь не в те машины, которые ему готовились к поездке, отменяя назначенные мероприятия. Он метался, как затравленный зверь.

А смертное кольцо вокруг него сжималось всё туже. Партизаны и подпольщики взяли под пристальное наблюдение всё окружение Кубэ, в первую очередь обслуживающий персонал из числа местного населения. Черновую работу в доме, где жил Кубэ, на улице Энгельса выполняли в основном евреи, которых пригоняли из гетто. Лишь горничными и на кухне работали несколько белорусских девушек. Все они прошли очень тщательную проверку в СД на благонадёжность. Двухэтажный особняк зорко охранялся двенадцатью эсэсовцами. Каждого еврея и белоруса, приводимого или приходящего сюда, придирчиво обыскивала стража у калитки и при входе в само здание. Пронести что-либо запретное в дом было равносильно самоубийству.

И тем не менее советские патриоты не оставляли мысль о том, чтобы уничтожить Кубэ в его же логове. Подпольщики неустанно обрабатывали девушек, обслуживавших дом гауляйтера. Однако никто из прислуги не хотел идти на смертельный риск. К тому же опасались провокаций со стороны гитлеровцев с целью перепроверки «благонадёжности».

Среди горничных была молодая женщина Елена Мазаник. Сначала она работала официанткой казино. Но когда Кубэ потребовалась ещё одна горничная, его доверенные порекомендовали ему тихую и трудолюбивую Елену Мазаник. Кубэ потребовал её, побеседовал и остался доволен – молодая женщина

не вызывала у него подозрений, держалась скромно, боязливо. В обязанности новой горничной входила уборка коридоров, туалетных, чистка обуви и одежды, стирка белья, топка печей.

Тем временем её знакомый Николай Похлебаев, бывший военнопленный, которому удалось вырваться из лагеря и устроиться на работу в кинотеатре, познакомил Елену с Марией Осиповой – руководительницей подпольной группы, связанной с партизанской бригадой «Дяди Димы». Эта бригады, как и многие другие, уже давно присматривалась и искала подход к горничной Кубэ. И вот, наконец, контакт был установлен. От имени партизан Осипова предложила уничтожить Кубэ, а Мазаник тотчас согласилась. Но поставила своё условие: её сестра Валентина должна побывать в партизанской бригаде, проверить, действительно ли Осипова выступает от её имени. Мария Осипова немедленно дала согласие отвести Валентину в лес и назначила день выхода. Это с первой встречи установило между ними отношения полного доверия и уважения, без которых немислимо осуществление сложной и опасной операции. После возвращения из леса подготовка к операции началась.

Было ясно, что убрать Кубэ в сложившихся условиях можно только с помощью мины. Этот вариант продумывался от начала до конца. Требовалась мина с суточным заводом – чтобы исполнительница имела время заложить её и потом скрыться. Первой сложной задачей было доставить мину из леса в город. На пути, как правило, патрули проверяли всех, кто шёл или ехал в Минск.

За минами Мария Осипова пошла вместе с подпольщицей Марией Грибовской. Несли сразу две мины. От патрулей сумели откупиться, не дали заглянуть в корзину, в которой под брусникой лежали мины. В городе мины сначала спрятали на квартире рабочего Николая Дрозда, где Осипова постоянно останавливалась, приходя из леса.

Одну потом передала Елене Мазаник у неё на квартире. Осипова сразу же начала организовывать вывоз родственников Валентины и Елены Мазаник из Малой Масюковщины – деревни возле Минска – в партизанскую бригаду с тем, чтобы, когда Кубэ будет убит, они не пострадали.

День, назначенный для операции, оказался неудачным – Кубе куда-то уехал из Минска. Пришлось перенести её на другое время. Дело осложнялось ещё и тем, что и Осипова, и Мазаник в минах разбирались слабо. Мария проинструктировала свою подшефную так, как сама поняла, когда ей объясняли в лесу. Но это был далеко не профессиональный инструктаж. А по-другому было никак. Не открывать же курсы минёров для подпольщиков. Мину сначала держали под окном у соседа-полицая, а в полночь накануне вновь назначенной даты уничтожения

Кубэ забрали её в квартиру и завели с таким расчётом, чтобы она взорвалась ровно через сутки, и положили под подушку. Утром перед уходом Елена и Валентина условились, что если на кухне столовой немецкого суда, где работала Валентина, появятся сотрудники СД, это будет означать, что дело провалилось, и ей нужно немедленно принять яд.

Елена Мазаник положила мину в сумочку, а в портфель – чистое бельё, мочалку, полотенце, как будто собиралась в баню. В случае обыска этим можно было бы отвлечь внимание гестаповцев от сумочки. При входе во двор особняка Кубэ Елену начали обыскивать, но она сумела заговорить офицера и не дала ему заглянуть в сумочку. Мина была пронесена во двор. Однако стоял ещё один часовой у входа в дом. Выжидая момент, когда он отвернётся, Елена Мазаник начала убирать двор. Залаяла собака, часовой отошёл, чтобы усмирить её, и в это мгновение Мазаник проскользнула в дом. В полуподвальном помещении она сняла пальто, подвязала мину ниже груди, надела фартук, но не подвязала его, чтобы не обнаружилось очертания мины. Так и работала несколько часов. Перед уходом в генеральный комиссариат Кубэ увидел её и спросил, почему она такая бледная. Елена ответила: «Болят зубы. Не спала всю ночь. Господин, разрешите мне сходить к зубному врачу. Я всё сделаю сейчас, чтобы, если вырвут зуб, не приходиться на работу». Он разрешил, только велел передать адъютанту распоряжение отвести её к немецкому врачу.

Постепенно домочадцы Кубэ разбрелись каждый по своим делам: жена его Анита с младшим сыном поехала в магазин, старшие сыновья отправились

в школу. Служанки занялись кто чем. Можно было бы попытаться проникнуть в спальню гауляйтера, но в коридоре напротив неё находился телефон, у которого дежурил офицер СД. Он следил за тем, чтобы в спальню не заходил никто, кроме горничной, которая была приставлена на эту работу. А Мазаник обязана была убирать кабинет этажом выше. Чтобы как-то отвлечь офицера и выпроводить на время с этажа, Елена Мазаник сказала, что внизу на кухне остался её завтрак – кофе, что сама она позавтракала дома, поэтому предлагает ему сходить и выпить. Искушение было достаточно велико, офицер не устоял, отправился вниз.

Этим и воспользовалась Елена Мазаник. Взяв в руки детские штанишки, она быстро зашла в спальню Кубэ, положила мину под матрац, присела на него, проверяя, не прощупывается ли она, и, убедившись, что под матрацем мина не чувствуется, хотела выйти. У двери столкнулась с офицером, который успел вернуться. Он набросился на неё: зачем зашла в спальню? Потом стал проверять, не оставила ли она чего в постели, но мину не обнаружил.

Только подошедшая вторая служанка, которой офицер симпатизировал, помогла усмирить его гнев. И Мазаник объяснила ему, что зашла сюда случайно, искала нитки, чтобы пришить пуговицу на детских штанишках. Помогла утихомирить его и пачка сигарет, которую Елена взяла в кабинете Кубэ и отдала охраннику.

Задача, в сущности, была выполнена. Оставалось только спокойно выбраться из дома. Напряжение у Мазаник было столь велико, что зуб и в самом деле разболелся, раздуло щеку. Когда она сказала офицеру, что Кубэ отпустил её к зубному врачу, это не вызвало никаких сомнений, и её выпустили из дома.

С Марией Осиповой было договорено, что как только Елена подложит мину в постель Кубэ, она постарается незаметно выйти на скверик к театру имени Янки Купалы. Осипова уже ждала её. Потом подошла сестра Елены Мазаник Валентина. Вместе спустились к парку Горького. Там Мария осталась ждать машину, которую вёл шофёр-подпольщик Николай Фурс, а Елена Мазаник с сестрой отправились к оперному театру. Их там подобрала Осипова с

Фурсом на свою машину. По Танковой улице выехали за город. Аусвайс горничной Кубэ избавил пассажиров и шофёра от придирчивых проверок на пути в партизанскую бригаду. Взрыв произошёл в ночь на 22.09.1943 г., в 0.40 часов. Убийство Кубэ вызвало огромный резонанс во всём мире. Оно очень убедительно показало непрочность положения оккупантов в Белоруссии, не сумевших уберечь от карающей руки белорусского народа даже своего главаря.

У фашистов оно вызвало панику и животный страх перед возмездием, которое ждало каждого из них, а советским людям вселяло большую уверенность в нашей победе: «Уж коль до Кубэ добрались народные мстители, то дела у фашистов совсем плохи!». И массовый террор их уже не имел того устрашающего психологического воздействия, на которое они рассчитывали. Несмотря на всевозраставшую жестокость фашистов, накал борьбы в Минске непрерывно нарастал. Гитлеровцы не знали покоя ни днём, ни ночью.

Каждый день гремели взрывы в городе и его окрестностях. Трудно назвать и все эффективные операции, и всех исполнителей их, рискующих жизнью, выполняя задания подпольной организации. Коммунисты и комсомольцы Минска проявили высокое тактическое мастерство, гибкость в формах организации подполья, большую находчивость и смелость. Это и определило эффективность действий отважных советских патриотов.

Великая Отечественная война как ключевое событие в самосознании белорусского общества

Жукова А.Р., Струтинская Н.В.

*«Не зная прошлого, невозможно
понять подлинный смысл настоящего и
цели будущего.»*

М. Горький

Наша молодёжь растёт, развивается, спокойно дышит воздухом под мирным небом. Однако так было не всегда. В Великую Отечественную войну шли